

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

КОЛОКОЛА МИХАИЛА ЧВАНОВА

“Сплошные гоминоиды, с похмелья, с конопли трясёт... Вы все уже давно дисквалифицировались, вместо женщины у вас теперь бутылка. Скоро бабы от вас рожать перестанут. Одна надежда на “снежных мужиков”. Полстраны проехала – и порядочного мужика нет, замуж вот выйти не за кого. Алкаш на алкаше, алиментщик на алиментщике, психованные все какие-то, полубабы, мужик с мужиком уже жить начали...”

Это рассуждает Ленка, героиня рассказа Михаила Чванова “Осень в дубовых лесах”. Почти тридцать лет назад написан рассказ, а как будто о сегодняшнем дне. Ничего не изменилось, ещё хуже стало. Автор бьёт в самое больное, – исчезает в народе былая внутренняя сила, растворяется сам народ, распыляется, и нет этому злу никакого укорота. Страшнее всего то, что автор ничего не выдумывает, он просто изображает слепок жизни, нынешней жизни народа – наследника великой славы, воинской и трудовой, пережившего столько бедствий и горя, что от другого на его месте и следов бы не осталось.

Я перечитал обе книги рассказов и повестей Михаила Чванова “Мы – русские?..” и “Вверх по реке времени” (к обеим написал блестящие предисловия прозаик А. Сегень) и был, признаюсь, потрясён до глубины души пронзительным талантом этого смелого и честного художника слова. Его героев, несмотря на их некую чудаковатость и простоту, ты не просто принимаешь сердцем, ты начинаешь их любить, переживать за них, сочувствовать им во всех обстоятельствах, потому что все они по натуре добрые, светлые душой, самые что ни на есть человеческие, выхваченные из глубины народной, из самой жизни.

Вот “вещий Игорь” из одноимённого рассказа. Мальчишка, выросший в семье, где отец – “волк волком, сколько живём – ни разу не улыбнулся, одно слышишь: мать-перемать, зимой снегу не выпросишь... А этот – душа нараспашку, глаза навстречу тебе радостно растопырены, любому человеку рад, а уж если кто новый появится на улице – так тут же идёт знакомиться, и опекать будет, как больного или маленького. Другие ребятишки как ребятишки, играют себе, а он так и дежурит у ворот, как бы помочь кому да как бы успокоить кого...”. То он с коровой о чём-то говорит, ломоть хлеба ей даст. То бежит мужиков по улице собирать на помощь приехавшим, замёрзшим в пути людям, то дров соседке наколет. Безотказный. И вот ведь – совершенно русская судьба. Подрос, стал выпивать. “А как выпьет, так из него отец, Николай, так и полезет”. С отцом однажды из-за матери схватился, в тюрьму попал. Так с тех пор и пошла судьба наперекосяк. Из-за этой водки уже не

раз “отслужил”, как он сам признаётся. Трезвый – всем готов помочь, себя не жалеет. Двух ребятишек спас, когда те тонули на пруду, провалились в присыпанную снегом полынью. “Все орут, а толку. Ну что, едрёна мать, тут всё ясно: там – враги, тут – наши, надо лезть...” И как погибает? Опять-таки по доброте душевной. Большегрузная машина на красный свет поехала, напугала ребятишек, грязью окатила. Он прыгнул на подножку, стал урезонивать водителя, а тот его – монтировкой...

Вроде бы чего его жалеть, пьяница. Да и ненормальный какой-то, шалопутный. А вот жалеешь, как родного, потому что душа у него светится, плакать о таком человеке хочется...

Или вот “общественный смотритель Журавлёв”. Опять-таки необычная вроде судьба: в молодости был красавцем, гордец гордецом, в консерватории о нём поговаривали как о восходящей звезде, стихи писал, которые печатали серьёзные журналы, критики хвалили. Ухаживал за балериной. И вот прошли годы. Встречает его на улице знакомый по студенческим временам, который когда-то тоже был влюблён в неё. Журавлёв теперь работает техническим инспектором. Не стал ни композитором, ни поэтом. Принципиально. Ездит по дальним районам, проверяет технику, чтобы не было аварий, борется за здоровье людей. Конкретное дело. Это лучше, чем быть посредственным поэтом или композитором, считает он. Пять лет назад та самая балерина, за которой он ухаживал и которая “отшила” его, попала в автомобильную катастрофу. Муж погиб, а она жива осталась, но повредила позвоночник. И вот он теперь содержит её, ухаживает за ней, воспитывает её маленьких детей.

Где ты ещё встретишь такого человека, как не в самом народе, где увидишь такой несгибаемый феномен человеческого счастья? Прочитаешь – и в груди защемит: Господи, какой человек!.. Одновременно и больно, и радостно за него. И на жизнь начинаешь смотреть другими, более просветлёнными глазами. Рассказ об учителе черчения вообще поражает воображение. Что это, вымысел, фантастика или некое прозрение автора, который наделяет своего героя, простого учителя, тем не менее человека не от мира сего, каким его видят соседи и коллеги, гениальным складом ума? Он утверждает, что “создал теорию единого поля и выразил её в единой формуле. Эта теория объединяет в одно и объясняет все открытые по сей день законы физики и математики, все законы пространства и времени”. И эту теорию никто не может принять и понять, но и отмахнуться невозможно – уж очень логически всё выверено. И страшно, если она найдёт применение на практике. Герой рассказа утверждает, что алхимики, о которых мы сегодня вспоминаем с усмешкой, знали о расщеплении атомного ядра давно. Как, впрочем, многие учёные древности ещё до Демокрита. Но, в отличие от нынешних учёных-атомщиков, они знали, к чему это открытие может привести. И все эти знания спрятали глубоко, засекретили, зашифровали. Вроде бы скорее похоже на фантастику то, до чего додумался учитель черчения – опять-таки простой человек, самоучка, современный алхимик. И написано так убедительно, что читаешь и веришь: есть такой человек, есть такая теория...

И вот что удивительно.

Недавно по телевидению я услышал рассуждение одного известного учёного, который заявил, что если бы сегодня были расшифрованы все тайны древности, Земля бы уже погибла. Человек не готов воспользоваться знаниями, которые могут дать необузданную власть над природой. Последствия были бы ужасающими. И я тут же вспомнил “учителя черчения”.

И почти все герои в книге вот такие: обязательно деятельные, добрые, совестливые, зачастую гонимые, но непременно со свечой в душе, с любовью к миру, к людям, к природе. Это и Дима из рассказа “Бранденбургские ворота”, который умеет один класть печи из чёрной глины в приполярной тайге, и эти печи греют людей, и вся надежда там на него. А кто он? “Беглый не беглый, бич не бич – не поймёшь кто, документов нет, но зла никому не делает...” Никто не нашёл в тех местах глины, а он нашёл, и жжёт из неё кирпич, и печи кладёт. И глина чёрная, и печи из неё чёрные, и хорошо греют. А как попал на Север? Служил сверхсрочно в ГДР, был его пост у Бранденбургских ворот, влюбился в немку, две девочки-близняшки родились, Эльза и Маша. Но кому-то это не понравилось, и оказался Дима в лагерях в приполярной тайге. Судьба сломана, беду в себе носит, но зла ни на кого не держит. Живёт, пьёт, конечно, но сколько пользы от его пребывания в этом мире!

В чвановских рассказах настолько узнаваемо время действия, что даже не надо смотреть, в какие годы это написано. А посмотришь – и поразишься. Приметы тех лет восстанавливают самое главное, что было в жизни народа, страны. Это присуще только большому художнику слова – изобразить в малом тот момент, который стал историческим для общества. Взять ли рассказ “На тихой реке”, где повествуется, как равнодушные спасатели везут в лодке ещё живого мальчика, которого вытащил на поверхность воды случайный купальщик. Мальчика можно было спасти, но “спасатели” не торопятся, им всё равно. И вот картина: загорелые до черноты, они пьют прохладное пиво в своей дежурке за ширмой, а на раскалённом песке мать над мёртвым сыном – невозможно читать эти вопиющие строки. Написано в 1985 году. К власти только что пришёл Горбачёв. И страна, как этот полумёртвый мальчик, брошена в лодку тщеславному безразличному правителю. Что было дальше, мы знаем. Этот момент отмечает в предисловии и прозаик А. Сегень, чутко уловивший настроение и замысел рассказа.

Или жуткая повесть “У перевала” с подзаголовком “Прекрасен отдых в осенних горах” – это ведь поставлен точный диагноз больному, обречённому на гибель обществу, в котором люди потеряли всякое чувство ответственности, стали инфантильными и равнодушными друг к другу, когда нравственные устои, понятия стали пустым звуком для большинства, думающего только о себе, о своей выгоде. Забывают, что плывут в одной лодке, в данном случае в одной связке, как это случилось с туристической группой, и трагедия неминуема. И тогда, как правило, погибают лучшие. Чванов, написавший повесть ещё в 1980 году, по сути предсказал, что всех ждёт в недалёком будущем. Он угадал главное, угадал причину назревающей катастрофы в стране. И она – прежде всего в духовной составляющей общества. Ну так и нечего пенять на кого-то и на то, в каком сегодня мире живём.

Или маленький, всего на две странички, рассказ “Жилая деревня”. Там, где недавно ещё кипела жизнь, где колосились поля, теперь бурьян – на десятки вёрст окрест. В одной деревне пусто, в другой – один старик, к которому наезжают по осени родные, чтобы накопать картошки. Что может спасти нас, неужто совсем пропали? Всё-таки Чванов оставляет надежду: в этой глуши, куда и воры-то не заглянут, в пустом доме есть икона, а раз есть икона, туда ещё “хоть раз на месяц в году” приезжает Матрёна Ярыгина. Раёвкой называлась деревня. “Рая, конечно, не было, но жили. И перед страной заслуги были: и трудовые, и боевые, никак полсотни мужиков на войне полегло, и Герой Советского Союза свой был. Даже два, второй, правда, у же не на войне получил, лётчик-испытатель...” Прочитаешь такое – и вспомнишь, что почти везде сегодня так, в какую сторону ни поедешь. И автор заканчивает рассказ болевой строкой: “Больше я этой дорогой не ездил. Не могу”.

И мы уже в большинстве не ездим, потому что некуда и не к кому. Быльём поросла русская деревня. И невольное осознание вины, и горечь на сердце, и закономерный вопрос: что же дальше?

Читая книгу, я досадовал на себя: ну почему я так поздно открыл этого талантливейшего прозаика, ведь он начал печататься ещё в 70-е годы, причём один из его первых рассказов “Билет в детство” – шедевр современной литературы, который не заметить было просто нельзя. А ведь ещё Василь Быков писал ему тогда: “Дорогой Михаил! Ваш рассказ “Билет в детство” просто прекрасен. Замечательный рассказ! Я не вижу в нём недостатков, читать его было сплошным наслаждением. Пиром души. Очень точно, очень ёмко, очень трогательно! И всё так верно... Рассказ этот свидетельство того, что Вы можете... Не верьте там разным... Больше слушайте себя самого, талант Вам подскажет”. Почему-то критика старательно обходила молчанием творчество писателя, который и по духу, и по художественной силе, и по судьбе стоит в одном ряду с самыми прославленными именами русской словесности.

Неужели слава путешественника, прошедшего малохоженными тропами Урала, Камчатки, Чукотки, Якутии, поднимавшегося к кратерам величайших вулканов Евразии: Ключевского, Безымянного, обоих Толбачиков, руководство Всесоюзной экспедицией по поискам пропавшего в августе 1937 года при перелёте через Северный полюс самолёта С. А. Леваневского, слава председателя созданного им Аксаковского фонда, организатора ежегодного Международного Аксаковского праздника в Башкирии, вице-президента Международного фонда славянской письменности и культуры затмили яркое писа-

тельское дарование Михаила Чванова как в писательской среде, так и среди читателей?!

Вряд ли.

Пожалуй, дело в воззрениях Михаила Чванова на историю славянства, во многом расходящихся с теми же коллегами-патриотами по русскому национальному вопросу. Он мучительно размышляет: кто мы такие? Откуда мы – русские: народ, нация, какое предназначение наше на Земле? Или стать спасителями человечества, или, не оправдав надежд Бога, стать всего лишь живительным навозом для других народов? Почему славяне в своё время разбежались в истории? И до сих пор разбегаемся – русские, украинцы, белорусы, балканские славяне. Неужели славянское единство – это только иллюзия, губительный для России миф, созданный славянофилами во главе с Иваном Аксаковым, сыном дивного писателя Сергея Аксакова? Или всё же – спасительный, в том числе для всего человечества, союз?

Чванов горестно размышляет об этом и в автобиографической повести “Крест мой?!.”, и в статьях о семействе Аксаковых, и в философских раздумьях, которые, как правило, многослойны. В них история глубоко сплавлена с этнографией, и это настолько интересно и неожиданно, что начинаешь сам мыслить, чувствовать, переживать вместе с автором, который вызывает тебя словно бы на спор, порой и сам сомневаясь в своей неумолимой логике, но зарягает собеседника достоверными убедительными, а часто и малоизвестными широкому читателю фактами. И ты уже на его стороне.

“Меня, как русского, – рассуждает он, – коробят истеричные статьи, доказывающие, что мы, русские, – великая нация. Ну, во-первых, это свойство малых или неполноценных народов – постоянно вопить о своём величии, ничего не делая для него, а во-вторых: кем нам выдана эта индугенция на величие? И если выдана – то что, до скончания века?” Он подчёркивает, что каждое поколение должно заслужить это величие. Делом заслужить. Величие – не в величине территории и населения, а в силе духа народа. Русский – это не по крови, это по духу. Больше ста народов Всевышний соединил в одной Отчизне. Её, как мать, не выбирают. Это – воля Всевышнего. За всю историю Российского государства православные и мусульмане всегда стояли бок о бок в защите Отчизны. У нас одна Родина. Не будем забывать, что цвет русского дворянства составляли выходцы из Золотой Орды – Карамзины, Державины, Аксаковы, Апраксины, Голицыны, Татищевы, Измайловы, Аракчеевы, Бунины, Тургеневы, Арсеньевы, Годуновы, Дашковы, Мусины-Пушкины, Танеевы, Сабуровы, Суворовы... Знатные роды! Это они, получив в своё время уделы в Московской Руси, стали опорой самодержавия, стали православными русскими, их потомки в большей части впоследствии вернулись опять в Поволжье, на Урал. Так мудро строилась Русь. В этом смысл истинного евразийства, которое поднимает на щит Михаил Чванов. Не случайно он приводит высказывание Ф. Достоевского: “Русский – это православный”.

И не случайно на одном из Аксаковских праздников, потом ещё и на Всемирном Русском соборе Верховный муфтий России заявил во всеуслышание о спасении Святой Руси. Многие русские стесняются говорить об этом, а вот муфтий не постеснялся. “Святое всё, что исходит от Бога, – сказал он. – Привыкли, что “Святая Русь” только для православных. Но мы, мусульмане, по своей истории знаем, что наши предки, которые живут сейчас по всей России, приняли ислам добровольно, у нас, как у православных, тоже была свобода выбора. А когда вера выбирается добровольно, это и есть святое. Поэтому естественно, нормально и нужно мусульманину называть свою Отчизну, которая у нас с православными общая, Святой Русью”.

Вот ведь как просто и мудро.

Вообще, чтобы понять глубже мировоззрение Чванова, надо читать Чванова.

На мой взгляд, так масштабно, так пронзительно и трагически о том, что случилось с Россией и Югославией в девяностые годы, ещё никто в нашей литературе не написал. В развёрнутом рассказе “Русские женщины”, в небольших по объёму повестях “Свидание в Праге”, “Времена года” и “Белый Ангел” по сути одни герои и одна тема – судьба русских людей, русских офицеров, обманутых, оказавшихся ненужными на Родине и воюющих в Сербии, горестная судьба русских женщин, чьи достойные мужья воюют и погибают на чужой земле, судьба югославов в братоубийственной войне.

Разве не рвёт сердце судьба русского генерала, который в Приднестровье не выполнил приказ об упреждающем огне и, спасая население, открыл огонь на поражение по молдавско-румынским частям? Теперь его разыскивает Интерпол, на Родине ему нет защиты, нет дела, он вынужден сражаться в Сербии. Больше нет для него места на земле. “И здесь мы скорее приживалки у чужой беды, чем помощники”, — с болью, с горечью признаётся он. Сколько там русских могил — и что? Чванов, по сути, окончательно здесь приходит к мысли о несостоятельности славянофильства, которому он так много отдал души, сил и времени. Балканские славяне — сербы, болгары, чехи, поляки, хорваты — все друг против друга, все словно обезумели в своём противостоянии, не понимая, какая глобальная катастрофа уже гудит над головой, над какой пропастью они стоят.

И разве не об этом же — судьба русского полковника Алексея Нелюбина, героя повести “Свидание в Праге”? Он сражался в Афганистане, в Нагорном Карабахе, его жене прислали сообщение о смерти мужа, она вынуждена была бежать с дочкой из Душанбе, где убили его родителей, чтобы завладеть домом, в Германию, вышла в конце концов замуж за спасшего её немца, теперь у неё своя семья. А он оказался жив, он опять в горячих точках, и его разыскивает Интерпол. И вот он находит её адрес, звонит ей и назначает свидание своей жене тайно, словно любовнице, в Праге. И они встречаются, чтобы разойтись навсегда. Она — в Берлин, к семье, он — в Сербию, где, прикрывая беженцев, раненым попадает в руки албанцев, и его распинают на дверях разрушенной церкви. . .

Это надо читать всем, чтобы понять всю трагедию русского честного офицера девяностых. Это написано с такой потрясающей художественной силой, что рыдать хочется от любви и боли, от гордости за настоящего человека, каких всё меньше и меньше на земле. Так написать мог только тот, кто не однажды побывал в балканском котле, своими глазами видел то, что происходило в Югославии. Савва Ямщиков писал: “Для меня подлинным открытием, заставившим восхититься и преклонить колени перед истинным подвижником и здравым мыслителем, стало знакомство с писателем Михаилом Андреевичем Чвановым. Том чвановской прозы и публицистики “Мы — русские?..” я в прямом смысле впитал в себя. Каждая строчка, каждое событие, каждая мысль автора были поразительно созвучны моему нынешнему настрою, а порою я забывал, что читаю написанное другим человеком, и становился незримым соавтором талантливого творца.

Глубоко философское осмысление югославской трагедии знающего историю и судьбу растерзанного края не с чужих слов Михаила Чванова. Когда мы с Аркадием Мамонтовым работали над фильмом о поруганных святынях Косова, я всё время обращался к страницам чвановской книги, находя исчерпывающие ответы на самые сложные вопросы в отношениях России и Сербии.

Литературные произведения, вышедшие из-под пера Чванова, органично вписываются в богатейшую сокровищницу современного русского писательского творчества и выдерживают сравнение с классическими работами Распутина, Астафьева, Абрамова и Носова”.

Добавлю: какое сердце останется равнодушным, когда читаешь эти произведения, какое не дрогнет от любви к таланту необычайной силы?!

“Для меня, — пишет Чванов, — понятие русский — не понятие крови, а отношение к Отечеству, к Богу. И для меня многие башкиры, татары, якуты, оставаясь башкирами, татарами, якутами, более русские, чем многие русские по паспорту”.

Честно сказано и справедливо. Его усилиями в селе Надеждино, на стыке Европы и Азии, на юге Башкирии, в Дмитриевском православном храме, и на колокольне Свято-Никольского храма на севере Башкирии зазвонили колокола.

“Во второй раз, вернувшись с Балкан, из раздираемой братоубийственной войной Югославии, я поехал на родину, к добрым своим башкирам и татарам, и на всякий случай попросил место, где хотел бы лечь, если умру не вдали от Родины, чтобы оттуда мне хорошо были видны и башкирское село Каратавлы, и татарский Малояз, и родная моя Михайловка”.

Повести, рассказы и очерки Михаила Чванова — это колокола веры, любви и надежды русского сердца. Как хочется, чтобы они были услышаны!